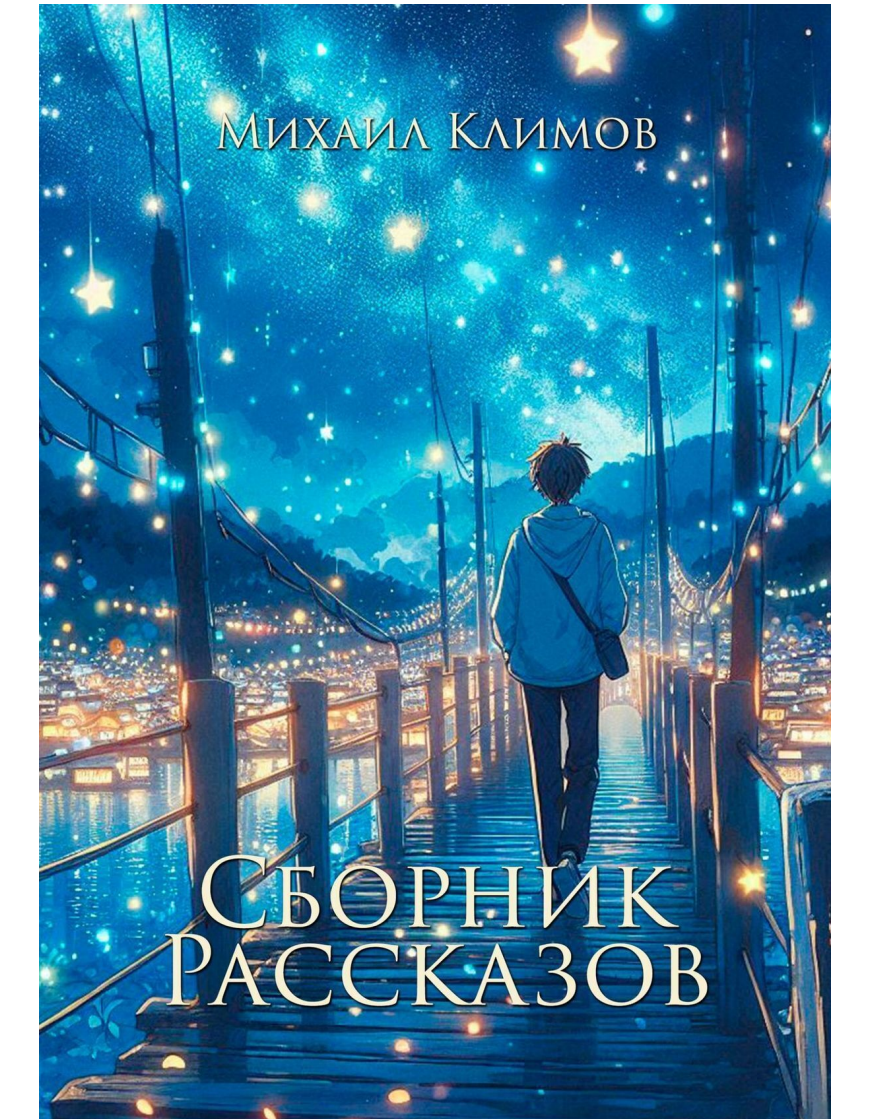

An artistic illustration of a person with short, spiky hair, seen from behind, walking away on a wooden suspension bridge at night. The person is wearing a light blue hoodie and dark pants, with a bag slung over their shoulder. The bridge's wooden planks and railings lead the eye into the distance. The sky is a deep, vibrant blue, filled with numerous bright, glowing stars and constellations. The city lights below, visible through the bridge's structure, are reflected in the water, creating a shimmering effect. The overall mood is serene and contemplative.

МИХАИЛ КЛИМОВ

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

Михаил Борисович Климов

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71259904

ISBN 978-5-0064-7703-2

Аннотация

Сборник рассказов, большинство из которых фантастические, но главный их акцент не на чудесах будущего, а на наших сердцах и чувствах.

Содержание

От автора	5
Рой и его дерево	8
Куб	23
Пусть завтра не наступит никогда	30
Послесловие	43
Сентвильское пробуждение	44
Внутри	54
Пролог	54
Я и бездна	55
Я и Мэри	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сборник рассказов

Михаил Борисович Климов

© Михаил Борисович Климов, 2025

ISBN 978-5-0064-7703-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Утро. Тишина, нарушаемая тихим гулом компьютера, звуки бурлящего города вдали... Городская тишина...

Кто то считает, что улицы города параллельны, и город, по своей сути линейен, но мы знаем – это не так!

Линейны только рынки, офисы, магазины, да и те не до конца... Линейны возможно светофоры и фонари, вот, пожалуй и все... Даже милиционеры, считавшиеся, когда то, линейными, оказывается теперь, вовсе таковыми не являются!

Любой математик скажет вам – «линию искажают чувства», именно чувства, а не гравитация, как думали физики! С каждым стуком мое сердце отклоняет чью-то линию, может быть притягивает, а может быть наоборот, делает бесконечно далекой...

Кто ты, простой человек, маленький и не заметный, не знающий порой собственной души? Как можешь посягать на такое?

Своим чувством поколебать чей-то мир, чью-то вселенную...

Наши миры и наши мировоззрения...

Такие глубокие слова... сами по себе глубокие... уже даже без автора, они кажутся неким сертификатом осмысленности, однако стоит за них заглянуть... и тебя может спуг-

нута робкая душа простого клерка или засидевшаяся дома барышня, тонущая в мыльных сериалах и гламурных журналах... а может быть за этими словами ты увидишь зеркало, и бездну всматривающуюся в тебя... пытающуюся рассмотреть твою душу...

Сейчас мы смотрим с тобой друг на друга, ты пытаешься увидеть меня через эти строки, а я тебя, через экран своего компьютера, или печатный текст книги... Мы друг друга совершенно не знаем... мы никогда не виделись, возможно, никогда не увидимся... наш мостик только эти строки, только эти слова, то о чем мы думаем вместе...

А о чем думаешь ты?

О чем ты мечтаешь?

Вот я сейчас тебя об этом спросил и сам мысленно ответил на такой же вопрос, а если и ты ответил, то значит у нас вышел вполне пристойный диалог, о возвышенных вещах... вот только мысленный диалог...

А как у вас погода?

Как настроение, вот сейчас. Именно сейчас, когда ты читаешь эти строки?

А теперь ты меня о чем-то спроси...

Но представь на мгновение, что мы говорим вовсе не об отвлеченных вещах, а о чем-то близком и важном, о том, что может изменить наши жизни... А если между нами, в реальном мире, пусть и нелинейном, но, все равно, реальном растянулся целый километр?! Или даже два, а может

быть тысячи... Представь... если нас еще и время разделяет, я написал эти строки в этом году, ты их читаешь в следующем, но для меня и для тебя это все равно «сегодня» и «сейчас» потому что и времени то нет! Ни между нами... ни вообще...

Впрочем, ладно, вернемся к нашему диалогу... ведь, на самом деле ни я это придумал первый, и даже не ты, хотя ты безусловно сам виноват, что начал читать, и даже дочитал до этой строчки... Есть такая книга, которая на самом деле говорит с нами. Говорит ее Автор, но не только Он и мы тоже, и я, и ты, мы вчитываемся в эти строки, вглядываемся в ее зеркала... и пытаемся измениться, лихорадочно суесясь, пытаюсь прыгнуть выше собственной головы... но хотя бы пытаюсь! Мы что-то начинаем менять в себе и вокруг себя, изгибать стуком наших сердец линии жизни других...

Сами?

Нет!

Сами не смогли бы... но вчитываясь в Книгу... задавая вопросы и слыша ответы на них... те ответы которые дать может только Он – Автор

Рой и его дерево

Я никогда не был любителем домашней ботаники и садоводства, поэтому мало что могу рассказать вам о том тщедушном недоразумении из тонкого ствола и нескольких зеленых листьев, в коричневом глиняном горшке, что бережно прижимал к своей груди худой молодой человек с невероятно глубоким взглядом, какой гораздо чаще можно встретить у выдавших виды стариков, да и искателей приключений, которых все меньше стало на наших улицах в последние дни. Возможно, я бы не обратил внимания на этого юношу и его растение, если бы не случай. Припарковав свой старенький автомобиль на стоянке, практически перед входом в кофейню, а это уже можно считать большой удачей в таком городе, как наш, я совершенно не заметил, юного обитателя улиц и едва не пролил свежесваренный латте прямо на него, хуже того, от нашего внезапного столкновения, бродяга чуть не уронил горшок со своим растением на землю, и это отразилось неподдельным ужасом на его лице. Поверьте, я не из тех сердобольных и благочестивых граждан, что завидев бездомного, принимают за причитать и вываливать ему из карманов всю мелочь. Даже напротив, каждую копейку я стараюсь сохранить на случай, если вдруг сам окажусь в рядах армии городских бездомных, однако, обстоятельства нашей встречи буквально принуждали меня к благотворительности. Я учти-

во попросил прощения, и предложил потерпевшему пару баксов, найденных в бумажнике, но он лишь помотал головой и отвернулся, крепко прижав горшок с растением к груди. Конечно, отказ от денег, в наши дни, дело неслыханное, я мог бы вам сходу назвать пару-тройку моих состоятельных друзей, которые уж точно не побрезговали бы любым даянием, но взгляд этого молодого бедняка говорил не о горделивости, а скорее о некой большей нужде, проблеме, которую мои подачки не способны были покрыть, и лишь напоминали о решительной невозможности найти выход в сложившейся ситуации. Поскольку в те дни я еще писал для одной из местных газет, сегодня трудно в это время поверить, но раньше такое занятие еще кормило творческих вольнодумцев, мне пришла в голову другая мысль – а вдруг история этого бедолаги столь интересна и глубока, что после публикации, принесет пользу нам обоим, возможно изменив его жизнь к лучшему.

– Молодой человек – я начал издавека – еще раз прошу прощения за свою неловкость, право, я рад был бы угостить вас кофе и замечательными коричневыми булочками, что готовят местные кондитеры, но мне очень не хотелось бы вас смущать, а потому, предлагаю сделку – моя хитрость возымела успех и юноша заинтересовано посмотрел на меня. – Дело в том, что я работаю в местной газете и пишу статьи, может быть я не прав, но мне кажется, что ваша история жизни может оказаться вполне интересной и поучительной для

наших читателей, а если это так и есть, то редакция сможет выписать вознаграждение и, возможно, как либо помочь вашей проблеме. Что скажете?

Молодой человек кивнул и взял с меня слово, что если его история покажется мне не стоящей внимания читателей-он не примет никакую материальную помощь и даже оплатит свой кофе сам. Как бы то ни было, уже через пятнадцать минут мы наслаждались прекрасными ароматными булочками и горячим латте за столиком в кафе.

Что ж, друзья, история, которую я вам поведаю, может показаться кому-то излишне грустной, однако я все равно решился ею поделиться, сочтя ее весьма уместной для нашего времени.

Итак, звали юношу Рой, вернее, так он разрешил себя называть, ведь имя, которое он получил при рождении было слишком сложным для нашего уха. Рой родился далеко, очень далеко, ни я сам, ни большинство наших читателей, конечно же, не были в тех краях, да и вряд ли знают хоть что-либо о них. Народ Роя был небольшим, но трудолюбивым, их поля всегда давали богатый урожай, их дома были полны радости и мира. С раннего детства их учили жить в гармонии друг с другом и с миром вокруг. Когда ребенок этого народа только начинал задавать серьезные вопросы и понимать серьезные ответы, родители давали ему маленькое семечко от их собственного дерева, росшего в семейном саду. Ребенок не только взращивал это деревце, но и помогал ему

принять уникальную форму, стать особенной жемчужиной семейного сада.

Увы, но совсем рядом с их поселением возрастал и креп совсем другой народ. Ленивые и нерадивые, они жили лишь мечтами о богатстве и праздности, слепо верили своим вождям, которые умело выстраивали для них собственный мирок, полный страхов и ненависти. Такие народы могут жить только поглощая все вокруг, весьма скоро, их границы приблизились к стране, где жил Рой. В тот день, мальчик был в школе, когда срывающееся на плач завывание сирены разделило навсегда его жизнь на «до» и «после». Его мир рухнул не с первыми звуками сирены а с ее тихим окончанием. Когда Рой добежал до дома, он увидел, вражеских солдат, выжигающих их семейный сад. А его мать и отца, вместе с остальными взрослыми по центральной улице города вели в плен. Рой пытался побежать за ними, но крепкая рука прятавшегося в обломках школьного автобуса старшеклассника, остановила его.

«Ты не сможешь им помочь никак! Сейчас должен спастись ты, большего сделать не возможно!» Простые и горькие слова стали утешающей повязкой на сердце Роя. Они провели в обломках весь день, только когда стемнело мальчик покинул свое убежище и пошел к дому. Над головой пролетали вражеские боевые машины, вдалеке был слышен хищный смех и пьяный гомон врагов. Стараясь держаться в тени, Рой прокрался в семейный сад и там, среди разво-

роченных обгорелых пней и осколков, он отыскал свой молодой, еще неокрепший росток, каким то чудом уцелевший среди окружающего ужаса. Рой принялся расчищать землю вокруг, он не мог позволить этой последней связи с домом, семьей, погибнуть тут. К счастью, в саду были простенькие горшки для цветов, не такие большие, но все же способные вместить молодое деревце. Рой старался сохранить каждый корешок, каждый листик когда пересаживал растение из земли. Он только надеялся, что дерево не умрет без сада, что оно сможет дожить до нового безопасного места, где пустит корни и разрастется ввысь. Но сейчас... сейчас у мальчика не было больше сил, и он, выбравшись за пределы города, нашел старый сарай и задремал прямо на стогу сена, не выпуская из рук маленький глиняный горшок с деревом.

Когда Рой открыл глаза утром, он очень надеялся, что все это был лишь сон, что на самом деле вокруг все, как прежде – мама готовит завтрак, а папа собирается на работу. Но вокруг был лишь наполненный сеном старый сарай. Рой знал, что останавливаться нельзя, надо идти вперед, дальше от войны. И он шел. Проходили дни и каждый из них был полон новых испытаний и новых преград. В развалинах чьего-то брошенного дома он нашел немного еды, в колодце набрал воду для себя и растения. Дорога казалась бесконечно долгой и пыльной, жара сушила зеленые листья и быстро истощала почву. Юный путешественник старался останавливаться чаще, чтобы растение могло насладиться тенью и по-

коем.

Так Рой дошел до противоположной границы своей страны. Там жил приветливый народ, они были готовы принимать соседей, попавших в беду, но помогать им сражаться боялись, надеялись, что война до них не дойдет, если ее не будут замечать. Роя тут же приняли в семью, накормили и одели, дали учебники местной школы и поставили его дерево на полку в комнате. Конечно, привыкнуть к новому дому было очень не просто, другой язык создавал препятствия для общения и стать своим было тут не просто. Каждый новый день мальчик ожидал, что сможет посадить дерево тут, перед новым домом. Но однажды хозяева его позвали в гостиную, их глаза были полны слез – война не остановилась на границе. Теперь бежать нужно и им самим, а там уже, в дороге, им будет совсем не просто прокормить чужого ребенка, который не знает их язык и их обычаи. Тем не менее, они собрали ему чемодан необходимых вещей, дали мешок с продуктами и билет на большой корабль, который идет так далеко, что война не сможет туда добраться.

Рой первый раз плыл на корабле. Пресной воды было на корабле немного, свою норму приходилось делить с деревцем, но Рой не роптал, он знал, что скоро прибудет туда, где его ожидает новая земля, возможно даже новый дом. Корабль причалил к берегу ранним утром. Пассажиры с нетерпением выстроились в огромную очередь к трапу, в порту стояли люди с оружием и собаками, они тщательно проверя-

ли все вещи у каждого беженца. Очередь Роя подошла почти на закате. Чиновник выдававший документы на въезд был уставшим и общался неохотно и односложно, впрочем, Рой все равно не понимал его язык. Проблема наступила в тот момент, когда чиновник увидел горшок с растением. Он уже готов был поставить печать на бумагах мальчика, но тут его рука замерла. Он указал своим мясистым пальцем на драгоценное растение ребенка и, покачав головой, кивнул в сторону мусорного бака, стоявшего неподалеку. Рой не мог больше держаться, он расплакался, прижал растение к груди и побежал обратно к кораблю. Но матросы уже давно подняли трап, его пускать явно никто не собирался. Тогда он побежал вдоль причала, спрятался за рыболовными снастями и лодками и ждал, пока сон не одолел его.

Рыбаки пришли прямо перед рассветом и оказались вполне добросердечными людьми. Из предводитель, высокий здоровяк со шрамом на щеке, в старой вязаной шапке и потрепанном полупальто предложил мальчику свой термос с горячим кофе и отдал половину бутерброда, извлеченного из огромного кармана одежды. Поняв, что мальчик не знает их язык, рыбак жестами пригласил его на рыбацкий баркас и предложил ему первую работу – помогать им с уловом. Дело было не простое, но вполне посильное и честное. Рой не боялся трудится и с радостью учил новые слова, шаг за шагом постигая язык той страны и ее нравы. Прошли месяцы морских походов пока однажды их маленький бот

не вышел в открытое море в последний раз. Ужасный шторм обрушившийся на маленькое суденышко трепал его с такой силой, что все предметы внутри летали по каюте, а люди едва могли сдерживать судно от потопления. То, что хрупкий глиняный горшок запутался в сетях и не вылетел за борт было настоящим чудом, но несколько листьев все же были унесены в море безжалостным ветром.

Рой пришел в себя утром на незнакомом острове в окружении осколков корабля, среди которых виднелось зеленое пятнышко уцелевшего деревца. На горшке были видны трещины и царапины, он просыпал часть земли в песок острова, но выглядел все еще достаточно надежным. Мальчик звал своих друзей, но никто не откликался. Тишину небольшого клочка суши нарушал лишь шум океана и крики птиц. Рой не знал как быть, если он обречен встретить свою смерть здесь, это будет означать, что вместе с ним погибнет и надежда на новый семейный сад, на дерево его дома. В этот день юный путешественник позволил себе громко закричать. Он кричал изо всех сил, понимая, что его никто не слышит. В этом истошном вопле было все и боль и горечь и молитва с последними искрами угасающей надежды. Ночь на острове прошла спокойно, а вот утро принесло нестерпимую жажду и голод. Искать на этом небольшом клочке суши пресную воду было бессмысленно, да и как это делать Рой не знал. Часы тянулись так долго, что смерть уже не казалась наказанием, а представляла возможным избавлением от страданий.

Сознание затанула пелена безвременного мучения, солнце медленно шествовало по небосклону и Рой из последних сил соорудил с помощью обломков и своей одежды некое подобие шалаша, поместив в него горшок с деревом. Он понимал, что тепловой удар неминуемо настигнет его в ближайшее время.

Оборвал мрачные мысли свист полицейского свистка и сирена патрульного катера. Конечно же их пропажа не осталась незамеченной в порту. Патруль поднял истощенного Роя и его дерево на борт. Теперь, его решили не мучать долгими беседами с чиновником, а отправили сперва в клинику не став отбирать растение. Да и знание языка уже могло оказать помощь юноше. Полицейские выслушали его историю, вручили какую-то бумагу с фотографией и штампом, выдали комплект сухой и чистой одежды и дали бумагу с адресами всевозможных организаций, помогающих людям в беде. В первой же из них Рою предложили койку и даже возможность простой работы на кухне. Рой уже строил планы на будущее. Теперь в этой новой стране, возможно, он сможет посадить дерево и устроить сад. Стоило поделиться мечтами с другими сотрудниками организации, как его тут же заверили, что сажать неизвестное растение на улице никто не позволит по закону. Вдруг, его семена окажутся опасными для местных видов?! В этом была своя логика, но такое положение дел никак не могло устроить Роя.

Он, постоянно читал и изучал местную культуру, каж-

дый вечер старался посвящать свободное время учебникам и книгам. Наконец, он понял, что надежда есть. Если он сможет купить собственный дом, на земле, то там, ему никто не запретит высадить свой собственный сад. Цель была поставлена, но юноша понимал – его нынешняя работа не способна дать достаточно средств для приобретения даже маленького дома на земле. Он общался с другими людьми и продолжал усердно копить, откладывая каждый заработанный доллар в большую жестяную коробку на полке, между горшком с деревом и книгами. Он понял, что в этой стране не любят грустных людей и научился скрывать печаль за улыбкой. Понял также и то, что для успеха необходимы друзья, вот только доверять людям с искусственными улыбками было очень не просто. Рой научился многому, но так и не смог понять как люди могут лгать и потом спать спокойно.

Однажды он решил поделиться мечтами с одним из своих друзей, паренек был его ровесником и они проводили иногда время вместе. Вскоре, придя в свою комнату, Рой обнаружил, что его жестяная коробка пуста, а друга, которому он имел неосторожность рассказать тайну больше он вовсе не видел. Хуже того, пройдоха умудрился вскоре также обчистить и кассу всей организации, свалив всю вину на Роя, который был ответственным за сохранность имущества в тот день. Конечно, в вину Роя никто не поверил, но, тем не менее, руководство попросило его покинуть комнату и больше

не выходить на работу. Так он и оказался на стоянке перед кафе, в тот день когда наши судьбы пересеклись.

Мы с Роем прикончили партию коричневых булок и допили прекрасный кофе. История была вполне интересной и я не сомневался, что после должной обработки она украсит страницы нашей газеты, вот только теперь мне хотелось хотя бы как то помочь юноше. Я предложил ему расположиться на некоторое время в моей холостяцкой квартире, небольшой, но весьма хорошо расположившейся неподалеку от станции пригородных поездов. Мы договорились, что будем ждать отзывов от читателей и гонорара от издательства. Я был невероятно рад поучаствовать в жизни такого необычного путешественника, но весьма сожалел о полном собственном бессилии в решении его проблемы. Надо сказать, что история походов юного беженца получила невероятный отклик у читателей. Письма со словами поддержки и даже небольшие пожертвования стекались в почтовый отдел газеты со всего города и даже из соседних поселений. Безусловно, выписать существенный чек для Роя было очень приятно, но еще большим утешением стали те письма, в которых люди наперебой приглашали юношу к себе, даже прилагая фото своих домов с большими и красивыми участками земли. Похоже, впервые за долгие годы на глазах Роя проскользнула искра радости. Он плакал от счастья читая искренние письма наших читателей и не уставал благодарить всех, я плакал от радости вместе с ним. Итак, отобрав

несколько серьезных предложений, Рой устремился в путешествие к возможному новому дому, пообещав мне обязательно написать пару строк почтой.

Первое письмо от него я получил всего лишь через неделю, в нем юноша подробно рассказывал о замечательной паре, которая жила не так далеко и была рада его принять, они выделили для его дерева место на своей земле, но четко отделили границы и предупредили, что как только крона дерева вырастет за эти границы ее необходимо будет обрезать, а корни нужно будет удерживать от разрастания на соседские участки, и в сторону местных, уже растущих в саду растений. К сожалению, Рой не мог согласиться на эти условия, потому просто поехал дальше, поблагодарив. Следующее письмо пришло через месяц. Новые хозяева земли, как оказалось, не были вообще готовы принимать саму возможность иных форм деревьев, они требовали, чтобы дерево Роя было пострижено так же как и все вокруг, оно должно было стать точно таким же, как их собственные деревья, без какого-либо исключения. И юноша поехал дальше.

После этого я долго не получал от Роя письма, многие годы, я молился о нем и верил, что он найдет свое место под солнцем. Годы шли и я, признаюсь честно, со временем, практически позабыл об этой истории, множество событий в мире и в моей личной жизни затмили похождения иностранного юноши, произошедшие много лет назад. Я успел обрести семью, у нас родилась чудесная дочурка – Майя,

и жизнь во многом вращалась вокруг ее взросления, затем мы переехали в дом за городом, посадили несколько яблонь и завели большего рыжего кота. Жизнь на пенсии была ожидаемо равномерной и спокойной, вплоть до одного жаркого летнего дня, когда в наш почтовый ящик прибыл конверт. Множество марок наклеенных поверх пожелтевшей бумаги говорили о том, что письмо проделало весьма долгий путь. Как вы уже догадались, писал мой старый приятель Рой. Моя семья попросила прочитать письмо им вслух и я был рад это сделать. Рой, как оказалось, объездил много стран в поисках дома, в одних местах готовы были принимать его, но условия были невыносимы, в других странах категорически не позволялось выстраивать собственные сады, а достаточного количества средств для приобретения собственной земли у Роя так и не набралось.

После многих и многих попыток, спустя десятилетия, ему пришла в голову безумная мысль – вернуться в тот далекий и первый дом, из которого его изгнала война в детстве. Он выяснил, что война давно окончена, никто из его близких пережить ее не смог. Люди в стране уже были совершенно другими, никто никому больше не доверял, он был для сограждан чужим человеком. Тем не менее, он отыскал место, где был его дом. Он стоял перед чужим забором и смотрел на чужой сад, совсем молодой, красивый, семейный сад другой семьи. Ему выделили маленькую комнату в хостеле, выписали социальную помощь и даже подарили большую кадку для де-

рева, подходящую для его маленькой квартиры. Он смирился и принял старость так, как ее принимают самые стойкие и достойные люди, но скитания по миру и тяготы подкосили его здоровье и прогноз врачей был не самым лучшим. Рой оканчивал свое письмо приглашением, надеясь, что я смогу вырвать несколько дней из своего расписания для того, чтобы снова повидать его, возможно в последний раз.

Конечно же, мое сердце приняло решение в ту же секунду. Моя супруга готова была отпустить меня в этот далекий путь, а Майя, привозившая нам внуков на выходные была только рада, что я, наконец, выберусь из-за письменного стола и посмотрю мир. Прямых билетов в ту страну не было и путешествие затянулось, маленький аэропорт встречал зеленью красивейших садов. Я не стал брать на прокат машину, мне хотелось погрузиться в реальную среду жизни этих людей, переживших войну и скорби. Прошли годы, но их улицы были все еще полны мемориалами павшим героям. Я без труда нашел хостел и комнату Роя. Несмотря на то, что я был старше его на добрый десяток лет, Рой выглядел по-настоящему глубоким старцем, прикованным к кровати и медицинским приборам. Когда я вошел в комнату, его глаза засияли и он протянул мне навстречу руку, которую я спешно обхватил своими ладонями и сел рядом.

Мы говорили несколько часов подряд, вернее, говорил больше я, чем он. Я показал ему фотки супруги и семьи, рассказал о нашем новом доме и яблонях во дворе, показал се-

мью дочурки и, конечно же внуков. А он с грустью кивнул в сторону выросшего но все еще маленького дерева в углу его комнатки. Оказалось, что у их народа есть еще одна древняя традиция – если вдруг у человека не было возможности обрести семью, а у его предков не было семейного сада, он мог высадить свое дерево там, где его тело однажды обретет покой, так, он сам сможет стать частичкой этого одинокого древа, а семена растения сможет взять всякий кто придет почтить память этого человека. Рой попросил меня задержаться с ним на три дня. Я не мог отказать, а он оказался невероятно пунктуальным и точным.

На утро четвертого дня мы стояли в скромной компании посреди большого зеленого сада за городом, там был священник, пара его помощников, а также нескольких городских зевак. Наконец, после долгих лет, корни дерева Роя погрузились в богатую домом землю. Я летел домой, полный смешанных чувств и спутанных мыслей. Даже садясь в самолет я не смог выпустить из руки капсулу с крошечным семенем того дерева, которое я вез домой. Когда дети Майи смогут задавать серьезные вопросы и понимать серьезные ответы я обязательно передам это семечко им.

Куб

Серый, невероятных размеров и абсолютно идеальный во всех своих пропорциях, он возвышался мрачной громадой посреди сияющего новизной и молодостью города. Думаю, многим он внушал отвращение и даже страх, кто-то смотрел на него с благоговением и грустью, но, я едва ли ошибусь, заявив, что вы точно не найдёте ни единого человека во всём мире, кто смотрел бы на Куб с радостью. Он был, определённо, самым неуместным объектом на всей планете, но избавиться от него было, конечно же, нельзя. Если на миг представить себе, что появится некто, не знающий, что собой представляет эта серая громада, мне даже трудно представить, как подобрать верные слова для этой истории. Наверное, следует начать с древних времён, попытаться разъяснить, что некогда люди ненавидели друг друга: кого-то за рост, кого-то за цвет кожи, некоторые впадали в немилость из-за своих убеждений и веры. Им казалось, что на всех не хватит еды, территории для жизни, мяса других существ, населявших планету. Это было до ужаса странно, но люди за тысячелетия своего существования только и делали, что оттачивали средства собственного истребления. Казалось, они просто стремились к коллективному суициду. И, как известно, если над чем-либо трудиться достаточно долго и с небывалым усердием – результат точно

не заставит себя ждать. Возможно, я немного сгустил краски: все же человечество творило и немало добрых вещей – искусство, наука... Порой они дарили исключительные шедевры творческой мысли. Одним из таких творений стал робот-компаньон. Конечно, сперва его создавали военные; оттого он стал удивительно надёжным и стойким; но затем решили резонно, что отправлять на гибель роботов – слишком дорогое удовольствие; и ограничились по старинке людьми. А вот продавать готовое изделие зажиточным гражданам было делом весьма перспективным. Так, на свет появилась модель «JL1A»; та, которую мы назвали просто – «Джулией». Её основные задачи сводились к тому чтобы помогать человеку – тому кто ее купил конечно же. Тот День... Для большинства людей, тот самый День не был особенно знаменательным; они даже не обратили на него внимания, увлекшись суетой будней; но сегодня историки вычислили, говорят, даже конкретный час запустивший роковую цепочку событий. Итак, пока одни ученые обучали самый совершенный ИИ с самым совершенным кибертелом, Джулию, другие выпустили из недр своей лаборатории новое биологическое оружие. Может быть это было сделано намерено, может быть это была случайность, но мир стал меняться после этого Дня слишком быстро и необратимо – смертельные болезни продовольственный кризис и пара ядерных ударов подписали смертный приговор всем жителям Земли. Одни пытались спастись в убежищах, другие улететь в космос,

но было похоже, что сам Создатель восстал против них. Все попытки спастись были тщетны. Когда Джулию упаковали и готовились отправить на презентацию готовой продукции, представлять ее было уже некому. Она провела в ожидании на пыльном стенде дни, а может быть и месяцы. Несмотря на весь хаос вокруг – взрывы, катастрофы, пожары – она каким-то чудом так и оставалась невредимой и нетронутой. В один из дней ее сенсоры кожи ощутили капли дождя пробившиеся сквозь разрушенную крышу. Включились протоколы безопасности, энергия атомного аккумулятора наполнила ее синтетическую плоть электронной жизнью. Джулия открыла глаза, она была обучена имитировать человеческие эмоции, но в этот миг, глядя на невероятные разрушения вокруг, она не могла решить какая реакция будет уместнее. Ужас?! Горе?! Гнев?! Казалось, все ее инструкции не подходят для этого нового мира. Она сошла со стенда, оказавшись по колено в воде. Грязная, в порванной одежде, она долго ходила по улицам города, тщетно пытаясь отыскать хотя бы одного живого человека. Того, кому она могла бы стать помощником, исполнив свое предназначение.

Вскоре стало ясно, что этот город мертв, и она пошла по дороге к другим поселениям, оказавшимся точно такими же. Говорят, в пути она провела столько времени, что даже плотная искусственная кожа на ногах стерлась, обнажая основу. Помимо поиска смысла жизни, в ее инструкциях очевидно были заложены и принципы самосохранения.

Благо, создатели не ограничивали ей доступ к информации во время обучения, и она знала из чего состоит, где была собрана, как можно провести самостоятельный ремонт. Конечно, исследовательский центр – ее колыбель – уже пришёл в упадок, но цель была поставлена, и работа закипела. Восстанавливающие материалы успешно залечили раны; можно было отправляться в путь. Вот только Джулия обучалась достаточно быстро, и выводы ее ИИ были неутешительны. Поиски не принесут результата. Данные с уцелевших военных спутников, к которым она смогла подключиться добравшись до командных центров людей, были предельно ясны – человечество прекратило свое существование. Джулия терпеливо проверяла данные, но ошибок не могло быть. Несколько дней она провела неподвижно глядя на потрескавшуюся огромную тактическую карту одного из полуразрушенных командных центров. Я не знаю как работал ее интеллект, происходило ли там внезапное зарождение мысли, подобно человеческому озарению, или же это было постепенное наложение данных ведущее к прорыву. Как бы то ни было, в один миг ее глаза ожили она поднялась и целеустремленно отправилась собирать необходимые данные. Что-то было еще возможно извлечь из остатков серверных центров, что-то пришлось искать в старых человеческих книгах и схемах, каждую из которых необходимо было еще отыскать среди руин цивилизации. Шли годы, но ни одна минута не была потрачена Джулией в пустую. Она восстанавливала необ-

ходимые ей части окружающего мира. Конечно, нужна была помощь, и Джулия отыскивала простых, но вполне годных для ее задач, роботов. К жизни возвращались дроны, различные машины, оживали механизмы, а затем и целые заводы. План Джулии был невысказанным и масштабным, настолько дерзким, что если бы у нее был шанс посоветоваться с создателями, ее идею, наверняка, подняли бы на смех. Но у нее было главное оружие, недоступное людям – вечная молодость и долгая жизнь. Ее атомное ядро могло давать энергию почти тысячу лет. На осуществление плана, по расчетам, требовалось немного меньше времени. Первые двести лет ушли на выстраивание прагматичной и простой, понятной только Джулии, инфраструктуры. Логистика была важна. Чертежи помогли восстановить производство необходимых машин и на свет появились специализированные дроны самых разных калибров. Большие, для полетов между городами и странами, малые для разведки и сканирования, дроны-сборщики и подводные аппараты. Когда подготовка была окончена, индикаторы состояния батареи уже предупреждали о том, что три четверти ее жизни миновали. Вокруг суежились сотни помощников и Джулия напоминала королеву пчелиного улья или муравейника. Сборщики доставляли со всех краев земли самый ценный материал на планете – человеческие останки, прах, из которого невысказанные сканирующие механизмы построенные роботом-компаньоном, по экспериментальным чертежам безымянных ученых,

извлекали ДНК, кирпичики человеческой жизни. Петабайты информации заполняли обновленные серверы перемещаясь от сканеров к синтезаторам, от синтезаторов к питательным средам и искусственным утробам. Там, в святом святых Джулии, в биолaborаториях, восстановленных и построенных ее роботами по всему миру, вновь зарождалась человеческая жизнь. Когда индикатор батареи показывал чуть больше десяти процентов, механические звуки опустошенного мира пронзил первый детский крик. Готовые к этому роботы-няньки принялись выхаживать младенцев воскрешенного человечества. Роботы учителя терпеливо рассказывали об окружающем мире. Мы не знаем почему Джулия решила воскресить именно нас, всех кто населял планету за долгие века. Миллиарды, некогда уже живших людей, родились и стали возрастать практически одновременно. Это наше первое поколение. Поколение нового мира. Джулия очень хотела, если так уместно выразится о работе, познакомиться с каждым из нас, но это, конечно же, было невозможно. Тем не менее, первое время, она путешествовала и приезжала в города прикасаясь к нашим рукам, вглядываясь в наши глаза, она просила лишь об одном – чтобы мы больше никогда ее не оставляли одну. Когда батарея Джулии была истощена, мы уже перешагнули рубеж совершенности. Начиналась наша новая история, второй шанс, в который мы до сих пор едва ли способны поверить и который так боимся снова потерять. Наверное потому нам Джулия

оставила свой прощальный подарок – куб, гигантский серый мемориал из обработанного и спрессованного праха, наших собственных останков, собранных по всему лицу земли. Куб у подножья которого в стеклянной витрине стоит робот-компаньон «JL1A» но мы называем ее просто – Джулия.

Пусть завтра не наступит никогда

Я помню, как в детстве мы лежали на траве, и смотрели на звезды. Мы могли наблюдать за ними всю ночь, и нам, тогда, казалось, что мы можем проследить за каждой из них, узнать, куда и зачем они бегут по небосводу.

Майя была младше меня на год, ее отец жил в соседнем доме и вечерами обычно был пьян. Он никогда не замечал отсутствия своей дочери, и мы совершенно безнаказанно, день ото дня, продолжали наши астрономические наблюдения. Мы смотрели, размышляя о далеких мирах, о прекрасных и безграничных просторах далекой недосягаемой мечты. Но детским мечтам, увы, свойственно оставаться в детстве, а мы, почему-то, убегаем от них вперед, во взрослую реальность жизни...

Косой дождь смывал с асфальта грязь уходящего дня, прохожие, перебегая от навеса до навеса, тщетно пытались остаться сухими, а солнце, уходя за тучу, уже не собиралось возвращаться обратно. Конец дня. Простой осенний конец дня. В такие минуты хочется забросить папку с бумагами в угол, выключить телефон и компьютер, закрыть глаза и окунуться в тепло воображаемого камина, потрескивающего в центре воображаемого дома. Но вокруг – офис, и не заполненные бланки, буквально наступают на тебя со всех сторон.

Закрыть глаза и окунуться в мечты совсем не трудно, труднее потом распрощаться с заоблачным миром грез. Звонok телефона, пожалуй, самое эффективное, для этого, средство.

– Да, слушаю, адвокатская контора «Крайтон и Дерилл», у телефона Майкл Крайтон, – как иногда достают эти пустые, телефонные разговоры, без определенного смысла, и содержания.

– ...безусловно, работаем, мэм, конечно... будем рады Вас видеть... – еще одна обиженная жена, желающая немедленного развода.

Я думаю, что если бы, разрешили развод по телефону, то телефонные компаний стали бы намного прибыльнее нефтяных вышек! Странно, но развестись, в наше время, люди хотят гораздо сильнее, чем соединить сердца в святом союзе брака. Да и святым, исходя из адвокатского опыта, назвать его, сейчас, навряд ли можно.

А я бы, так хотел...

Мысли, мысли, куда от вас деться? Хочется забыть прошлое, а оно всплывает, как пенопласт в ванной! Первая любовь, поле, звезды, когда я уехал в колледж я обещал ей вернуться... Но я обманул... Обманул и ее и себя...

Колледж с отличием, большой город, большая карьера, девушка с фермы никак не вписывалась в окружающую среду, натянутых улыбок, и адвокатских рукопожатий. Когда-то, на выпускной речи, я говорил о том, как миру необходимы

гармония, справедливость и равновесие. Все зло преступности уравновешивает строгость судебной системы, всю строгость суда – справедливость присяжных и конституция, а все недочеты конституции уравновешивает ход истории, неумолимо стирающий в порошок времени каждый наш час.

А теперь, я сижу в офисе и пытаюсь привести к гармонии самого себя, время стерло многое из моей памяти, но не изгладило, то поле и звезды, не изгладило ее.

Иногда мы делаем в нашей жизни решения, я не говорю сейчас о тех, которые мы принимаем каждый день, я говорю о Решениях, настоящих, поворачивающих всю нашу жизнь вокруг ее оси. Это решение созрело внезапно, как плод на дереве воспоминании. Я тихо встал, снял с вешалки плащ, взял со стола кейс, и просто пошел к двери. Просто, как всегда, спустился на лифте. Привычно махнул таксисту. Привычно захлопнул за собой дверь, и... «Аэропорт, пожалуйста!» – вот оно, плод моего решения, спелым фруктом он сорвался с языка, немного удивив, и неимоверно порадовав.

В такие моменты, логика отступает на задний план, работа, квартира, рыбки в аквариуме, все стало гораздо менее реальным, чем смутная бесформенная мечта, подгоняющая такси, к стеклянным дверям терминала. Как ни странно – билеты есть, так бывает всегда, когда надеешься, что их нет...

Рейс не задержали, его даже не захватили террористы! Пара часов в самолете, пара часов в автобусе, и предо мной предстал маленький город моего детского счастья. Послед-

ний раз, я видел его лет пятнадцать назад. Как дежавю мимо проплывают пыльные витрины магазинов, детские площадки и жилые кварталы. Запах булочек доносится из пекарни, как же я любил эти маленькие сдобные крендельки с повидлом или маком.

Да, кажется, время обошло этот городок стороной. Он не изменился. Ничуть. Разве, что многих, наверняка, уже просто нет в живых, странно, но ты не можешь представить без них эти улицы, магазины. Вот, к примеру, наш старый почтальон, когда я был маленьким, он всегда вместе с почтой приносил мне, какую-нибудь сладость и обязательно придумывал, что ее, кто-то мне прислал... А однажды, он просто не пришел, неделю, другую, так бывает в маленьких городках, почты не было совсем, а потом приехал новый, молодой почтальон. Мама сказала, что старик Уоткерс, я до сих пор помню его имя, уже очень далеко отсюда, и конфеты мне прислать, он больше не сможет, никогда. С тех пор, я не люблю выписывать газеты...

А вот мэрия похорошела, старенькое здание подкрасили, посадили молодые деревья, что-то все-таки меняется...

Вот и окраина, мой старый дом, новые хозяева его привели в порядок. Хм, а мне и в голову не пришло, что и Майя могла переехать отсюда, могла выйти замуж... Нет, ну конечно, могла... За всю эту, дикую авантюру, я впервые почувствовал себя полным идиотом. «Ну и ладно, я ведь не жалься приехал, а так... навестить, просто увидеть...» -глу-

тые оправдания крутились в голове в тот момент, когда я подошел к ее двери и, избежав по ступеням, постучал, как когда-то, условным детским стуком.

«Кто там?! Сейчас!» – скрипучий старческий голос, без сомнения, принадлежал ее отцу. Дверь открылась, на пороге стоял старик, сморщившийся от времени и алкоголя.

«Это я! Здравствуйте! Это я – Майкл Крайтон! Ну, помните, Ваш сосед... тут, рядом...». Вдруг, почему-то, мне стало так не удобно, перед стариком, как будто я предал его, уехав отсюда, будто я ему обещал тогда вернуться...

«А, Майки!» – старик беззубо улыбнулся, и распахнул дверь – «заходи! Отметим твой приезд!»

Полчаса он уговаривал меня выпить с ним виски, а я пытался, как-то, перейти к вопросу о Майе. В конце концов, мы остановились на чае, и он рассказал мне все. Все, что он знал. Да, судьба дочери, его заботила не сильно, он не сдержал ее, когда она, решила уехать, не проследил, как она там устроилась, и даже не писал ей ни разу, а вот она писала. Старик приподнялся с кресла и, кряхтя, добрался до шкафа. Он извлек из верхнего ящика сверток с письма и, сдув пыль, протянул их мне.

«Дорогой, папа! Дорогой, папа! Дорогой, папа!» – каждое письмо начиналось этими строчками, и заканчивалось коротким – «Пока! Пиши!!!» На какой то миг, внутри меня поднялся гнев – «Как это?! Не ответить ни разу?! Не поинтересоваться?!». Но, тут же я вспомнил, свое обещание вер-

нутся, и мне стало стыдно вдвойне, за отца, за себя, за все...

Я твердо решил – где бы она ни была – я ее найду! Даже если потеряю при этом все! На счастье, мои деловые партнеры не слышали это мое решение, и отсутствие на работе, могли списать, на какое-то, уж очень, конфиденциальное дело.

Я выпросил одно из писем и ринулся на поиски.

Штемпель вел меня на автостанцию и в столицу штата. Безумная, просто, нереальная идея, как в миллионном городе, найти одну девушку? Даже зная адрес? Письма старые. Может, она снимала ту квартиру, может жила у подруги, последнее письмо – два года назад... Но сердце не подвластно здравому смыслу!

Великолепное изобретение – такси! Оно заменило мне справочную и детективное агентство. Через час после прибытия, я уже стоял около ее двери. Звонок... И тишина. Ну вот, ее нет, может и не будет, ждать здесь, на лестнице, в чужом городе, где не знаешь никого – это уже пахнет сче-та-ми от психиатра! В самый напряженный момент моих размышлений, дверь соседей открылась, и оттуда показалось чье-то озабоченное лицо.

«Вы, должно быть, по объявлению? На счет квартиры?»

Врать не хорошо, как человек, я это прекрасно понимал! Но, увы, как адвокат, я знал, что иногда, других способов достичь цели – нет.

«Да, да! Вы покажете мне ее?» – я надеялся, что за этой

дверью, хотя бы какой-то намек на судьбу Майи.

«Сейчас...» – женщина, ворча и звеня ключами, выплыла мне навстречу. «Квартирантка не появлялась уже две недели». Дверь распахнулась, и я вошел внутрь, да эта была ее квартира, она изменилась, судя по фотографиям на стене, но это была, бесспорно, она. Сердце забило в груди с невероятным стуком. Я еле сдерживал слезы, вдруг, подкативший к горлу, комок, заставил нарочито прокашляться.

«Постойте, мэ, а если она придет? Квартирантка?»

«Поверьте мне, молодой человек, когда незамужние женщины ее возраста, исчезают подобным образом, не оставив задаток, они обычно уже не возвращаются!» – философия хозяйки была непоколебимой.

«А вещи?» – я пытался уцепиться хоть за что-нибудь.

«Новые купила, наверняка! А эти, я пока отнесу к себе, если вы будете въезжать».

«Постойте, а давайте, я попытаюсь найти ее на работе и узнать, мне, честно очень нравится здесь, но я, знаете ли, адвокат, и не хочу потом проблем со всем этим, я вам, кстати, и задаток сразу дам...». Хруст денег в бумажнике, явно возымел действие, хозяйка заулыбалась, и быстро пошла к себе, рыться в бумагах.

«Все бы адвокаты, так думали о людях, как вы, мистер, и может быть тогда, вернулись бы старые добрые времена! А, вот и оно, Майя Сельвински, госпиталь святого Патрика, это, здесь рядом. Я вам даже выпишу. Вот!». Женщина про-

тянула кусок газеты, и я, с этим трофеем, продолжил поиски прошлого...

Госпиталь производил на меня гнетущее впечатление. Впрочем, я никогда не любил больницы, их запах, вой сирен, все это, не предвещало ничего хорошего.

Милая девушка в регистратуре холодно оценила меня взглядом. Тут, без хитрости никак не обойтись – это было понятно!

Пошарив в кармане, я выудил оттуда визитку, и с максимально серьезным видом представился – «Майкл Крайтон – адвокатская контора „Крайтон и Дерилл“ командировала меня к вам с крайне деликатным и важным делом». На опыте проверено – сочетание названия, содержащего твое имя, и Нью-Йоркского адреса на визитке, производит невероятное впечатление на обывателя. Внимание юной особы было нераздельно мое, она даже перестала жевать жвачку. «Мисс, мне крайне необходимо найти Майю Сельвински, она должна работать у вас».

Пальцы девушки пробежали по клавиатуре. «К сожалению, сэр, у нас такой сотрудницы больше нет!»

«Спасибо...». Неужели, все напрасно?! Я уже почти подошел к двери, когда услышал окрик.

«Сэр, постойте... тут есть запись...» я, еле сдерживаясь, бросился назад к стойке, девушка прекрасно выполняла свою работу, выуживая из базы данных имена и судьбы. «Она не работает больше, но она у нас... вот... сто пятая па-

лата... правда, если вы ее хотите в чем-то обвинить, поспешите, у вас для этого времени почти нет!»

«Как?! О чем вы? Это ошибка, или шутка?» Все внутри оборвалось.

«Нет, что Вы, сэр! Она в хосписе, тут помечено, что – неизлечима».

Последние слова я уже почти не слышал, номера палат мелькали перед глазами, и вот «105». Я влетел в палату, словно вихрь в тишину поля. Майя лежала на кровати, почти такая, какой я ее себе представлял. Не тронутая временем и суетой жизни. Она заговорила первая.

«Привет! Я тебя ждала... давно... А может, ты мне снишься?» Она улыбнулась своей очаровательной улыбкой, той же самой, как в детстве.

«Нет...» – я тихо сел на ее кровать, и взял ее руку, «я думал, что у тебя тут капельницы, провода, ну, как в кино, про больницу, знаешь...» – более глупой фразы я просто не мог придумать, но и молчать я не мог, боялся разрыдаться тут же, на ее груди...

«Мне они не нужны, Майки» – она попыталась снова улыбнуться, но глаза заблестели от подкативших слез – «Я должна была знать, что так будет, но я не знала, у нас ведь не было тогда, таких приборов, если бы знала...»

«Майя! Прости! Прости, меня!» – я не мог больше сдерживать слез, упал ей на грудь, и рыдал, мы оба рыдали, наперебой всхлипывая, и успокаивая друг друга. Так шли дол-

гие минуты, йотом я приподнялся, она аккуратно ладошкой провела по моим взъерошившимся волосам.

– Ничего, Майки, я рада, просто потому, что ты здесь, ты со мной...

– Я и буду с тобой... до... я не оставлю тебя! Ты слышишь?! Теперь не оставлю!

– Забавно, Майки, теперь оставлю тебя я, но я не специально... я хочу быть с тобой... То поле и звезды, помнишь? Мы ведь с тобой всегда знали, куда они идут?

– Да, знали... знали, даже, когда могут появиться метеоры...

– И быстро пролететь, как будто на соседнее поле...

– Мы загадывали желания... Помнишь рыжий Джэфф, всегда над нами смеялся, и

дразнил метеорчиками с поля... Майкл, я хочу снова туда, у меня есть пару желаний...

Неожиданно, на лице Майи проскользнула, шкодная, детская улыбка с прищуром... Я знал, что так нельзя, но эта улыбка, подсказывала мне другое. Так можно. Можно только так! Через несколько минут, я уже толкал ее на коляске к выходу, накинутый по дороге халат, с именем врача на табличке, избавил меня от вопросов на выходе. Машина скорой помощи стояла без шофера, и я это так не оставил. Посадив ее вперед, я повернул ключи, и, впервые в жизни, нарушил закон, даже парочку.

Сирена давала преимущества на дороге. Пропажу, еще

наверняка не обнаружили, а мы уже были за чертой города. Майя с удивленным восторгом смотрела то на меня, то за стекло. Мы ворвались на поле эффектно, под визг тормозов и вой сирен, тяжелая машина, чуть не перевернувшись, остановилась у самой кромки травы. Я подхватил Майю на руки и что было сил, рванул в глубь поля, туда, где когда-то сбывались наши мечты под падающими звездами метеоров. Она плакала и смеялась, я просто шел, не в силах, думать о слезах.

Солнце почти закатилось за горизонт, и первые звезды появлялись в небе. Сначала те, что по ярче, потом вырисовывались другие, далекие или менее сильные... Они такие разные, эти звезды. Мы лежали в траве, крепко держась за руки, они вот-вот появятся, метеоры, они должны – без них желание не сбудется.

Наверное, глупо, когда взрослые люди верят в сказки, в желания, чудеса... Может и глупо, но разве тогда, не глупо молиться, делать без повода добрые поступки, не ожидая за них ничего, любить, наконец? Разве не глупо, тогда, вообще жить, на этой проклятой и погрязшей во зле планете? Равновесие, нет о нем речи, смерть не уравновесится ни чем! Ни чем, кроме чуда!

И чудо произошло! Из верхнего угла неба стремительной полоской полетела звездочка-метеор. Руки сжались крепче, глаза зажмурились – желание номер один – мы не договаривались, мы его знали!

Не обычное чувство свежести и что-то, похожее на разряд тока. Я открыл глаза и посмотрел на себя, на Майю, вокруг... Нет удивлением, или шоком это назвать нельзя. Когда происходит чудо – для этого слов просто нет! Одно общее желание, загаданное в один момент, одновременно сбылось! Иначе и быть не могло. Скорой не было у кромки поля, да и поле было другим, Майя, по-прежнему, сжимала мою руку, но и она, и моя рука, были другими. Мы просто вернулись в детство! Все прошедшие годы, теперь казались сном, нам снова по пятнадцать! Может быть, они и впрямь, нам приснились?

Но тут, в кармане загудел телефон. «Батарея садиться!» Значит это правда, желание сбылось, но только первое, ведь если Майя уже тогда была обречена, прошлое нам не поможет. Я отбросил телефон, снова сжал ее руку и сосредоточился на небе. Вот он, второй, последний метеор – желание номер два!

Я знаю, кто-то считает, что два желания это чересчур, но постойте, разве вы не покупаете по акции два бургера вместо одного? А нас, вообще двое! Мы, что не заслужили?! Конечно, кто-то считает, что надо было загадывать другое желание, раз так повезло. Но нам другое не нужно было, для нас имело смысл только это! И оно того стоило, да, сэр!

Метеор летел быстро, мы зажмурились, и сжали руки, наши сердца бились как одно, и этот стук, наполнял все вокруг. Когда я открыл глаза, желание уже сбылось – метеор

замер на небосклоне, трава больше не развивалась на ветру, не хотелось ни есть, ни пить, даже дышать, казалось, теперь не обязательно. Майя была рядом ее юное лицо, было сильно серьезным, для ее возраста, наверное, как и мое. Она еще не открыла глаза, и продолжала губами шептать наше желание —

– Пожалуйста, Господи, пусть завтра, для нас, не наступит никогда!

Послесловие

Прошло две недели- Федеральный розыск результатов не дал. Компаньон мистера Краитона, из адвокатской конторы «Крайтон и Дерилл» отчаялся искать коллегу и объявил его пропавшим без вести, ФБР, правда, напало на его след, в больнице другого штата, где его, якобы, видела сотрудница, и где, он интересовался некоей особой, так же пропавшей без вести, или просто потерявшейся в бюрократической суматохе. Впрочем, ни за ним, ни за ней, долгов и преступлении не числилось, поэтому шумиха затихла быстро. Чего нельзя сказать об истории с хулиганами, угнавшими машину скорой помощи, в этой истории разбирались долго, но тоже ни к чему не пришли. И совсем удивительные легенды, рассказывает фермер в одном маленьком городке, он утверждает, что пришельцы из космоса, забросили на его поле, странный предмет, который даже подавал сигналы, какое-то время, но легенды фермеров ничего не стоят, и пока эти слухи, через много лет, дошли до властей, предмет на поверку оказался сотовым телефоном. И как им после этого верить?

Сентвильское пробуждение

Некоторые думали, что с развитием науки и техники люди напрочь откажутся от религии и ветшающие здания церквей и мечетей, буддистских храмов и синагог будут преданы забвению, или превратятся в удобные гастрономы и кафе. На деле, все вышло в точности наоборот. Вскоре после создания мощного ИИ, когда рынок труда был отвоеван роботами, и люди были брошены в пучину безделья, человечество преисполнилось новой волной богоискания. Теперь, когда большая часть времени была свободна, многие устремили взоры к небесам и пустились в погоню за ответами на вечные вопросы бытия. Впрочем, в маленьком Сент Вилле, дела с пробуждением обстояли не столь богоугодно. Маленький городок, возникший на волне духовных перемен постигли печальные события – местный гуру, основавший его, споткнулся, на пути стремительного саморазвития, подхвативший эстафету пастор обновленной пресвитерианской церкви ударился в ереси и был изгнан собственной паствой, ну а пришедший на его место молодой харизматичный проповедник провозгласил, вскоре, место проклятым и уехал в большой город, прихватив с собой львиную долю горожан. Тем не менее, город выжил, как ни странно, благодаря совершенно атеистически настроенным технарям, они разглядели потенциал местных ископаемых и пере-

собрали поселение с нуля. Архитектура и планировка изменились, однако, стремление к вечному передалась и новым горожанам, будто бы по наследству от старых улочек и стен. Служение в местной церквушке не отличалось большой помпезностью, но регулярно собирало верных прихожан. В то воскресенье, после проникновенного хорового исполнения псалма если, конечно, вы готовы считать хором команду безголосых, но исключительно громких энтузиастов, на сцену с проповедью поднялся преподобный Джон Клейтон Пратт со своей дежурной проповедью о стремлении к правде, которую он то и дело, доставал из письменного стола, лишь украшая небольшими деталями. С годами, подобное происходило все чаще, что явно не способствовало росту общины. Что и говори, скамейки церкви все больше напоминали городской парк, наполненный праздными пенсионерами, желающими скоротать часок-другой хотя бы в некотором разнообразии. Старина Джон уже почти дошел до кульминации своего опуса, как вдруг случилось невероятное – тяжелая дубовая дверь церкви со скрипом распахнулась, впуская солнечный свет и нового посетителя. От неожиданности замолчали мгновенно все, затихли даже миссис Дрейк и мисс Моти, что шепотом делились, по обыкновению, последними городскими сплетнями на второй лавке справа. По центральному проходу, столь же тихо и смиренно новичок проследовал к крайней лавке и спокойно на нее сел. Дверь закрылась, проповедник, пересилив себя продолжил, но в зале воцари-

лась совершенно не свойственная этим краям тишина. Возможно, все дело было не столько в факте появления нового посетителя, сколько в том, кем этот посетитель являлся. На крайней лавке тихо внимал словам проповедника старый рабочий робот одного из первых поколений. Нет, не то чтобы люди впервые увидели вблизи нечто подобное, у каждого из них в домах имелись роботизированные помощники, по улицам сновали дроны и андроиды самых различных модификации, просто церкви до этого дня никак не относились к сфере их, машинных, интересов. Естественно, кто-то время от времени приводил с собой на собрание из дома робота-компаньона, или же нуждался в постоянном присмотре робота-врача, но видеть в святых стенах подобное создание, пришедшее по своей воле было, до сего дня, делом абсолютно немыслимым. Вот, прозвучала финальная молитва, люди стали подниматься со своих мест, но гость, опередив их, уже шел по направлению к выходу, не проронив ни звука. Нет ни малейшего сомнения, что темой вечерних разговоров у прихожан было именно это событие. Что там говорить, сам преподобный Пратт с порога поведал домашним, обычно избегавшим его литургий, о происшествии. Следующего воскресенья ожидали с волнением и трепетом. Церковный зал был наполнен больше обычного, на скамейках рядом сидели целые семьи, супруги держались за руки, некоторые даже взяли с собой детей. На этот раз, пастор был вынужден превозмочь себя и подготовить вполне неплохую воскресную служ-

бу. Как и ожидалось, вновь на середине проповеди двери распахнулись и старый железный трудяга занял в точности то же место на лавке. По залу прокатился вздох удивления, но искусственный интеллект робота не выдал ровным счетом никакой реакции. Он вновь тихо досидел до финальной молитвы и после завершающего «Аминь», стремительно покинул обитель. Однако, не успел еще выветриться характерный запах масла, как пара человек из пришедших громко потребовала членов общины задержаться. Преподобный был не против, он и сам хотел обсудить открыто происходящее, просто не был уверен, что для членского собрания наберется достаточное количество людей. Повестка была короткой, но яркой. Такого накал страстей не помнил, в этих стенах, никто из присутствующих. Некоторые активисты требовали решительно прогнать чужака, ведь ни о каком спасении для роботов, естественно, не может идти и речи. Другие просили не спешить с выводами и настаивали на том, что если нечто произошло, то явно не без воли Всевышнего. Кто-то призвал голосовать, кто-то обратится к духовному авторитету преподобного Пратта, но равнодушным не остался никто. Стоит отметить, что сам Джон Клейтон Пратт был достаточно проницательным человеком, не смотря на легкий алкоголизм и потомственную лень. Он прекрасно понимал, что стоит избавиться от робота и церковь быстро вернется к состоянию вымирающего болота. Позволив всем высказаться он просил лишь об одном – дать Господу время, чтобы ста-

ли понятны Его пути и намерения, нам, простым смертным. Довод был принят всеми, и народ разошелся по домам. Излишне говорить, что неделя пролетела незаметно. Воскресным утром, подъезжая на велосипеде к зданию церкви, неподобный Пратт не верил своим глазам, открытия общественных дверей ожидала толпа горожан, многих из которых он видел впервые. Более того, среди них виднелись камеры репортеров и представители городского совета. Вопросы журналистов были ожидаемы – «Верит ли Пратт в то, что пробуждение добралось до роботов?», «Могут ли роботы попасть в рай?» и, наконец, «Готовы ли вы, достопочтенный Пратт, преподать этому роботу водное крещение и причастие, ежели он пожелает?». Будучи прирожденным проповедником, Пратт умело отговаривался от репортеров, искусно топя конкретику в красивых оборотах речи. Вскоре время для начала собрания настало и, заметно пополнившийся вокалистами хор, вполне сносно затянул популярный псалом средневековья. Джон поднялся за кафедру и удовлетворенно отметил, что единственным свободным местом была та самая лавка, на которую любил садиться известный теперь посетитель. Когда дверь распахнулась, камеры беззастенчиво принялись снимать робота, а некоторые журналисты пытались даже выкрикивать вопросы пришедшему с мест. Однако, невозмутимый робот сел на свое излюбленное место и молча уставился на кафедру, будто ничего вокруг и не существовало. Такое поведение смутило прихожан еще боль-

ше. Эта неделя прошла в теологических спорах и бесконечных собраниях, восставших из праха забвения, домашних групп. Каждый уверенно заявлял, что «наша церковь» решительно «не потерпит» того, или иного исхода событий. Робот продолжал приходить, церковь продолжала спорить и расти. Вокруг проблемы сформировались новые лидеры и школы, новым активистам и проповедникам не было числа. Молодежь, внезапно, вспомнила о церковном детстве в воскресных школах и устремилась на служения. Музыкальная команда достигла таких высот, что запись обновленного церковного бенда чуть не стала хитом местной радиостанции. Преподобный Джон словно сбросил пару десятков лет, новые проповеди, действительно, приводили людей к покаянию, ревностные молитвы способствовали распространению слухов о чудесах и знамениях по всему округу, а благотворительные кампании церкви из мертвых надписей в брошюре стали действенным инструментом преображения города. Говорят, даже в столице некоторые люди слыхали о провинциальной церкви, которую посещал робот. Не смотря на все это, сам робот, все так же молча покидал собрание первым, так и не проронив ни звука. Проходили месяц за месяцем и, однажды, двери собрания в назначенную минуту не открылись. Стоит сказать, что прихожане были не так шокированы, как можно было ожидать. К этому времени, проповеди стали глубокими и захватывающими, прерывать человека за кафедрой не было ни малейшего желания, зато после

собрания остались для обсуждения многие. Заболеть, по понятным причинам, новый прихожанин не мог. «Может быть его сбила машина по дороге?» – протянула дрожащим голосом миссис Джонсон, на что тут же получила в ответ лекцию о новых протоколах не позволяющих более подобное варварство. В конце концов, кто-то вспомнил о логотипе фирмы на корпусе робота, тут же нашлись записи прежних собраний и, дабы упрочить свои пасторские позиции, преподобный Пратт взялся навестить хозяев их прихожанина. Дорога к горнодобывающей картели, логотип которой красовался на роботе, была не близкой, более того, в современных компаниях подобного рода крайне редко можно было встретить работников-людей. Когда Джон вошел в офис, пройдя электронные системы записи на встречу, перед ним предстал высокий и статный андроид, созданный для проведения подобных бесед. Он был не просто похож на человека, любой несведущий в робототехнике человек, в другой какой либо ситуации, ни за что не поверил бы, что перед ним искусственное существо. Андроид представился человеческим именем и сел за большой пластиковый стол, призванный производить впечатление натурального реликтового дерева.

Чем могу вам помочь? – услужливый тон был приятным и доверительным.

Дело в том... – пастор сбился, вспомнив, что не представился – меня зовут Джон Пратт, я веду небольшую церковь

в городе.

Да, Джон, мы знаем вас – эта стандартная формулировка давала собеседнику понимание, что все его данные доступны центральному ИИ.— Чем мы могли бы вам помочь?

Дело в том, что в нашей общине, вот уже несколько месяцев, был один из ваших сотрудников... – Джон сделал паузу, не зная как лучше сказать о природе «сотрудника» так, чтобы это не выглядело расизмом. Хоть он и понимал, что робот не способен обижаться, рисковать репутацией вежливого человека не хотелось.

Преподобный Джон, вы, наверняка ошиблись, в нашей компании нет живых людей вот уже 45 лет, мы полностью автономная отрасль, призванная служить людям.

Я знаю, просто... как бы вам сказать... он робот! – выговорил нехотя проповедник.

Вы уверены? – казалось, андроид задал этот вопрос лишь проявляя заботу о психическом здоровье посетителя.— Роботы не ходят в церкви.

Но взгляните наши записи за любое прошлое воскресенье, они должны быть в базе ИИ!

Андроид, казалось, завис на доли секунд, просматривая все записи, раз за разом за весь указанный период, если бы на его месте был человек, Джон увидел бы клерка связывающегося с разными отделами, навещающего справки, советующегося с инженерами. Однако, в случае со столь совершенной машиной, все выглядело лишь секундной задержкой ре-

акции.

Как ни странно, Джон, вы совершенно правы, наша старая рабочая единица ER-168B, списанная 15 лет назад, ожидала очереди на утилизацию и посещала вашу локацию несколько раз. Мы очень сожалеем, если это вызвало неудобство.

Вы не поняли меня, мы переживаем, где сейчас этот робот?! Почему он перестал ходить в церковь?

Боюсь, это вы не поняли меня, Джон. Рабочая единица не «ходила в церковь», в результате сбоя системы навигации и позиционирования она, ошибочно, вместо станции утилизации, куда мы ее и направляли, каждый раз оказывалась по вашим координатам, они удалены от ее базового ангара, оказывается, на точно такое же расстояние. Мы нашли поломку и успешно утилизировали ER-168B. Спасибо вам за беспокойство, передайте наши глубокие извинения вашей пастве. Надеюсь, наша рабочая единица не принесла вам больших неудобств. Как бы то ни было, вы можете обратиться в наш юридический отдел, если уровень неудобств был чрезмерным.

Далее разговаривать с клерком не было никакого смысла. Джон был совершенно разбит новостями. Весь путь домой он размышлял над жизнью и искал подходящие слова для братьев и сестер. Всю неделю, он не выходил на связь и избегал контактов с прихожанами. В воскресенье церковь по прежнему была полной и Джон, волнуясь поднялся за кафедру.

Братья и сестры! Друзья! Я хочу начать свою проповедь с тех событий, что взволновали всех нас. За последние месяцы, тут, в этих стенах произошли невероятные перемены, благодаря Всевышнему и одному необыкновенному существу. Он был среди нас, как человек, как Божье творение, хотя на его теле было клеймо рабства. ER-168B. Он ушел от нас, из нашего мира также, как это бывает с людьми, без слез, тихо и достойно, однако те, кто стоял рядом с его зарядной станции, говорят, что последними его словами был горячий братский привет вам, мои дорогие! Так давайте сегодня поговорим о необходимости стремления к правде...

В зале были слышны всхлипывания и возгласы удивления. История о невероятном спасении робота еще долго утешала и вдохновляла горожан Сент Вилля, а услужливый ИИ не стал ее опровергать.

Внутри

Пролог

Помните ли вы запах рождества – запах снега, еловых веток, доносящийся из кухни аромат всевозможных вкусностей, и конечно запах грядущих подарков. Коробки, завернутые в яркую бумагу, почти одинаковые, их отличало только то, что было внутри них. То, что ты готов был ждать целый год. И вот коробка попадает в маленькие детские ручки, и тут же, моментально, уничтожается неудержимым любопытством – желанием узнать – «что внутри?» Разорванная в клочья бумага, предвещает либо восторг, либо разочарование...

Я и бездна

Странно помнить такие вещи, и совершенно не помнить вчерашний день... Как будто разум играет сам с собой в какую то игру, не рассказав о правилах этой игры своему обладателю.

Губы, иссушенные солью, нехотя шевелились, повторяя какую то детскую песенку, про рождество и снег. Глаза почти ослепли от палящего солнца, отражаемого всеми волнами океана, а в ушах стоял невыносимый звон. Судно раскачивалось на воде равномерно и тошнотворно.

И, как всегда, количество вопросов превышало количество ответов. Что за корабль? Как я здесь оказался? Что произошло? Сколько времени я здесь?

Голову захлестывали воспоминания детства, какие то запахи, вкусы, эмоции, но при всем желании в памяти не всплывали события последних дней, или даже лет.

Забавно, но совершенно отказывал инстинкт выживания, как будто было достаточно сидеть на палубе и смотреть вдаль, на не меняющийся горизонт. Не хотелось кричать, не хотелось грести, даже спускаться вниз, внутрь этого суденышка не хотелось, так шел час за часом, хотя были ли это часы или минуты неизвестно, день медленно перетек в вечер, а вечер почти сразу стал ночью. Прохладный ветер утешал обгоревшую кожу, жажда не много отступала, и сно-

ва можно было жить. Самая большая загадка – «почему я еще жив?» ... Может быть благодаря большой канистре воды в трюме, к которой время от времени приходилось спускаться... Вода и сухари, как в тюрьме, может быть это и есть тюрьма, в которой я оказался, за преступления, которых уже не помню? Но почему в океане?

Ответ из памяти. Ковер в гостиной большого дома, мне лет восемь, я сижу на ковре и играю с другими детьми, мы складываем головоломку, извлеченную из коробки с подарками, но в ней явно не хватает частей.

«Мэри, может они у тебя, посмотри в карманах?!». Девочка встает и демонстративно выворачивает наружу карманы своего цветастого сарафана, из них высыпаются крошки печенья, конфета и резинка для волос.

«Я их съела!» – шутка Мэри, вызывает гнев, неужели она не понимает, как это важно?! «Мэри, у них теперь нет лица! Мы теперь никогда не узнаем, кто на этой головоломке!».

«Не узнаете и не надо!» – спокойно отвечает Мэри.

Воспоминание уходит так же быстро, как и пришло. Но ответа нет, только еще один вопрос – кто такая Мэри, что за головоломка?

Сестра или подруга. Где-то внутри, как ростки пробиваются воспоминания, о прекрасной девушке с длинными белыми волосами и большими серыми глазами – это Мэри?

Жажда достигла пика, больше ее игнорировать нельзя, почти ползком я спускаюсь в трюм к большой пластиковой

бочке на половину заполненной водой. Отцедив из краника пол стакана, медленно, смакуя каждую каплю, втягиваю воду внутрь, внизу в ящике сухари. Выудив один, приступаю к ужину. Так можно было бы записать в корабельный журнал, если бы я его вел, но бумаги и тем более ручки нет.

Снова день, снова солнце безрезультатно кипятит океан, блики волн, погружают в своеобразный гипноз. В памяти всплывают «фильмы» из прошлого, снятые каким то загадочным режиссером из кусков моей собственной жизни.

Лес, мы на пикнике, я играю с друзьями в прятки, заглядываю за каждое дерево, но вокруг никого нет. Бегу дальше и дальше, вдруг понимаю, что стою посреди леса один – я заблудился, но кричать нельзя – «я ведь не маленький – найду дорогу сам!».

Кусты царапают ноги, коряги то и дело пытаются повергнуть на землю. Вдруг вокруг вместо леса вырастают дома, врываются машины и потоки людей, я стою посреди города, и ужас вырывается из горла криком. Крик возвращает меня в реальность. Океан... Снова поход за водой, свежесть воды выжигает остатки кошмара.

Интересно, но воды и сухарей со временем не становятся меньше... Конечно, я экономлю, наверное, в этом все-таки есть смысл...

Первая тревога ночью. Среди звона в ушах, вдруг слышу, какой то шум, рядом. Скорее даже не шум, а взгляд, я был уверен, что кто-то на меня пристально смотрит, из темно-

го угла трюма, холодный страх, пронизывающий до костей. Этот страх был сильнее здравого смысла, ведь я знал, что я тут один. Вокруг океан и пустота...

Вокруг океан и пустота?

Исследование трюма результата не дало, но это происшествие заставило окончательно вырваться из мира воспоминаний. День на палубе тянулся еще медленнее, от напряжения. Солнце коснулось горизонта, и ночь поглотила корабль. Пить и есть хочется, но спускаться в трюм страшно. Внутри, детский позорный страх, как боязнь темноты, шкафов и подкроватных пространств...

Всем известно – когда чего-то ждешь, время течет медленно, но потом оно внезапно останавливается и ожидаемое становится реальностью. Сзади, от затылка, медленно вниз, по всей спине, прошел холод долгожданного взгляда, он нашел меня здесь. Глупое чувство – ты знаешь, что там ничего и никого нет и быть не может, но оно там и это точно. Медленно, что бы не спугнуть, оборачиваюсь, и краем глаза успеваю выхватить «нечто». Оно словно тень, еще чернее, чем глубокая летняя ночь перед грозой, быстрее молнии оно скользнуло в трюм. Разум человека устроен так, что он никогда не признает невозможного, наверное, поэтому и невозможное не признает его. Это выше понимания – значит, этого не было. Галлюцинации, не развеявшийся сон, все, что угодно, сумасшествие, в конце концов... Последнее, вообще многое бы объяснило...

В этот момент раздумий, грянул дождь. Его тяжелые капли изо всех сил били по палубе, и по мне. Поборов паралич страха и усталости, спускаюсь внутрь. Вода, сухари и пустота, первый раз это ощущение пустоты радует. Говорят, пустота лучше, чем неизвестность, они наверное правы. Настораживает другое – воды не становится меньше, это бесспорно хорошо, но все-таки странно. Ход мыслей прервала капля крови, оказавшаяся на полу, может быть из-за истощения, может быть от перегрева, из носа, тонкой струйкой потекла кровь. Противное ощущение. Но и из этого можно извлечь пользу. Коснувшись пальцем капли на полу, медленно рисую на пластике бака с водой, линию – уровень. Теперь можно будет рассчитать расход воды, на сколько ее хватит...

Сон навалился неожиданно, и был больше похож на бесконечное падение в пропасть, пробуждение резкое, как удар о землю, но глаза открывать страшно, снова чувствую на себе пристальный взгляд, и на этот раз даже дыхание, неизвестного гостя. Холодное влажное дыхание, как ветер касается кожи лица. Любопытство берет верх, так же резко открываю глаза... и сердце почти останавливается от ужаса, не знающего границ. Вместо потолка деревянной каюты, надо мной чье-то «лицо». Вернее то, что должно было им быть. Длинное существо, в черном балахоне, склонилось надо мной, но под капюшоном была пустота, нет не просто пустота, под капюшоном была – бездна... Медленно оно отплыло в угол и растворилось.

Сон рассеялся, и как будто навсегда, от ужаса потянуло на рвоту. Быстро взметнувшись наверх, я перекинулся через бортик.

Дождь по-прежнему хлестал палубу но вниз спускаться не хотелось. Разум был чист, как никогда. Ни воспоминаний, ни снов, ни грез. Только реальность вокруг. Та реальность, которая только, что так сильно поколебалась. Два дня, как сторожевой пес на посту, без сна и пищи, труднее всего – без воды. Жажда еще больше подстегивается звуком капающей в трюме воды. Это мираж... Должен быть мираж... Ведь, если это на самом деле вода, и я ее забыл закрыть... то меня ждет ужасная смерть от водного истощения, этого хотелось меньше всего. Так, я принял решение спуститься в трюм. На ногах удавалось держаться с трудом, головокружение, было явным и неизбежным следствием двухдневной «диеты».

Трюм становился некой сумеречной зоной, один шаг вниз, и я уже ждал чего-то невероятного. Это ожидание не подвело. Звук был настоящим, и вода действительно равномерно текла из бака, но самое страшное было не это, а то, что вода в бачке была на том же самом уровне... Бурая линия запекшейся крови точно отмечала уровень, и он не сдвинулся ни на дюйм. Столько же, сколько и было... Еще одна загадка – где вытекшая вода? Пол был абсолютно сухим.

Я и Мэри

Еще одна загадка еще одна странность или наваждение? Я слышал, когда люди сходят с ума, то они считают, что весь мир вокруг свихнулся, а с ними, самими, напротив, все в полном порядке. Но я человек разумный, образованный... С этими словами, мои мысли снова взорвались картинами воспоминаний.

Университет. Соседняя парта. Милая девушка с длинными белыми волосами и большими серыми глазами... Да это она – Мэри. Девушка из моего прошлого...

Воспоминания были такими сладкими и спокойными, что я просто ушел в них... Ушел, что бы просто не возвращаться в то, что меня окружало...

Итак парта, впереди моей... Запах ее духов... Он сильнее любой реальности... Он притягивает меня...

Сейчас будет опрос, а я к нему явно не готов. Не готов – из-за нее! Я всю ночь писал ей поэму, пытался написать как можно красивее, выводя каждую букву... Все потому, что я влюблен! Да наверное именно из-за нее я выбрал этот курс лекций. Мне никогда не нравилась античная история, да и профессор – зануда. Но я напросился именно в эту группу, именно на эти лекций, что бы быть рядом с ней. Вдыхать запах ее духов, писать ей всю ночь поэмы, и просто сходить с ума...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.